

УДК 94; ББК 63.3(2)4+ 67.3(2)4; DOI <https://doi.org/10.21638/spbu19.2022.106>

А. А. Вовин, Н. Б. Срединская

РЕЦЕПЦИЯ РИМСКОГО ПРАВА В СЕВЕРО-ЗАПАДНОЙ РУСИ XIV–XV ВВ.: ВДОВА И ИМУЩЕСТВО ПОКОЙНОГО МУЖА*

Проблема рецепции римского права в Древней Руси рассматривалась в историографии, главным образом, в аспекте оказало ли византийское право влияние на древнерусское, и если да, то в какой степени¹. Степень же влияния латиноязычного извода римского права на юридические памятники и складывающуюся актовую древнерусскую традицию практически осталась вне поля изучения исследователей. Наиболее интересно здесь предположение В. Ф. Андреева о том, что распространение в новгородской земле пергаменных актов, составленных с грамматической точки зрения в третьем лице («купиша ИМЯРЕК»), а не в первом («се яз купиша»), было следствием влияния римского права, проникшего через Ливонию. Заметим, что в Северо-Восточной Руси, более ограниченной в прямых контактах с Латинским миром, акты в третьем лице распространения не получили.

* Исследование осуществлено при финансовой поддержке Министерства образования и науки РФ в форме субсидии как часть проекта № 075-15-2020-786 «История письма европейской цивилизации».

¹ По этому поводу существует обширная историография, ограничимся указанием некоторых работ: *Милов Л. В.* 1) Византийская Эклога и Пространная Правда. (Проблемы рецепции) // *IUS ANTIQUUM*. Древнее право. 1998. Вып. 1 (3). С. 113–119; 2) О древнерусском переводе византийского кодекса законов VIII века (Эклоги) // *История СССР*. 1976. № 1. С. 142–163; 3) Древнерусский перевод Эклоги в кодификационной обработке конца XIII в. // *Вестник МГУ*. Сер. 8. История. 1984. № 3. С. 56–65; *Живов В. М.* История русского права как лингвосомиотическая проблема // *Разыскания в области истории и предистории русской культуры*. М., 2002. С. 187–305; *Вершинин К. В.* Мерило Праведное в истории древнерусской книжности и права. М.; СПб., 2019; *Переверзев А. С.* 1) Византийское право как источник Псковской Судной грамоты // *Юридическая наука*. 2015. № 3. С. 24–27; 2) Наследственное право по Псковской судной грамоте // *Вестник социально-педагогического института*. 2013. № 1 (6). С. 41–45.

© А. А. Вовин, Н. Б. Срединская, 2022

Заполнить лакуну, связанную с вопросом влияния латиноязычной правовой традиции на древнерусскую, исключительно на материале сравнения юридических памятников не представляется возможным, поскольку в таком случае всегда остается вопрос — насколько юридические памятники отражали реальную юридическую практику. Более продуктивно привлекать источники, отражающие реальное применение правовых норм, а именно — актовый материал. О необходимости подобных исследований писал С. М. Каштанов. Рассматривая русские средневековые акты, он отмечал, что они, при всех своих отличиях, «входят в качестве составной части в наследие средневековой европейской дипломатики, и выяснение их специфики, равно как и черт сходства с западными и восточными актами, требует особого сравнительно-источниковедческого исследования»².

Обращение к актовому материалу в сравнительной перспективе позволяет по-новому поставить вопрос о происхождении русского частного акта — проблему, вокруг которой уже сломано в историографии немало копий. При этом изучение вопроса было направлено прежде всего на выяснение того, когда появился русский частный акт³, мы же скорее склонны попытаться ответить на вопрос, как или при каких обстоятельствах это произошло. Как будет показано ниже, акты Северо-Западной Руси (по крайней мере, те из них, чья древность никем не оспаривается) обладают строгим и устойчивым формуляром⁴, который предстает перед нами в XIV–XV вв. в уже готовом и законченном виде, сложившимся либо в результате предшествующей эволюции, либо под внешним влиянием. Сличение акта Северо-Западной Руси с образцами средневековых итальянских актов, в полной мере отразивших влияние римского права, могло бы дать в руки исследователей ответ на вопрос, в какой мере можно говорить о том, что древнерусский акт был результатом линейного развития обычного права славян и германцев, а в какой — влияния римского права, исходившего, возможно, не только из Византии, но и непосредственно с территории Латинского мира.

В настоящей работе мы сосредоточимся на одной правовой норме — использовании вдовой имущества покойного мужа до смерти или повторного замужества и связанными с ним реалиями, представленными в «рукописаниях». Именно такое самоназвание — «рукописание» — содержит большинство завещаний Северо-Запада Руси. Отметим, что ряд двинских актов называется «духовные» (возможно, это стало следствием влияния правовой традиции Северо-Востока Руси).

Распорядительная часть северо-западных рукописаний начинается, как правило, с формулы «приказываю», а не «даю» как в северо-восточных «духовных» и состоит из назначения наследников, причем, как отмечалось в историографии, северо-западные завещания знают разделение на наследование по завещанию и наследование по закону

---

² Каштанов С. М. Из истории русского средневекового источника: Акты X–XVI вв. М., 1996. С. 82.

³ Речь идет о давнем историографическом споре, начало которому было положено статьей С. Н. Валка, где автор оспаривал подлинность древнейших известных актов и возводил начала русского частного акта к XIV веку (Валк С. Н. Начальная история древнерусского акта // Вспомогательные исторические дисциплины М.; Л.: Издательство Академии наук СССР, 1937. С. 285–318).

⁴ См.: Андреев В. Ф. Новгородский частный акт XII–XV вв. М., 1986.

(без завещания, близким родственникам)⁵. Имущество, передаваемое по наследству, состоит главным образом из «отчины» (недвижимого имущества) и «живота», под которым исследователи чаще видят имущество движимое.

В рукописаниях Северо-Западной Руси прослеживается принцип субституции⁶ (неизвестный при этом по актам Северо-Востока) — замены при определенных условиях (обычно смерти) одного наследника на другого. Так, например, в псковских актах XV в. (НПГ № 14) мы находим следующий пассаж: «а село свое в Смольнинской губе даю жене своей Федосье до живота и до замужа, а только поидет жена моя замуж или помрет, ино село свое землю даю брату своему Василию до живота». Далее после «живота» Василия село передается следующим по старшинству братьям⁷.

Полезно сопоставить формулировки распорядительной части рукописаний с аналогичными реалиями итальянских актов, выбранных нами в качестве сравнительного «зеркала». Образцы документов традиции римского права в силу их географической удаленности от Северо-Запада Руси позволяют исключить прямое заимствование. Важнейшей чертой, сближающей акты Северо-Запада Руси с итальянскими завещаниями и отсутствующей при этом в духовных Северо-Востока Руси, является наличие двух форм передачи по наследству: «одерень» и «в кормлю». В существующей литературе уже не раз высказывалось мнение (никем еще, кажется, не оспоренное), что выражение «одерень», встречающееся не только в рукописаниях, но и в других типах актов, обозначало полную собственность над имуществом. В то же время «кормиться до живота» соответствовало лишь пользованию имуществом (до наступления определенных условий) без права его отчуждения, что подтверждается нормой статьи 72 ПСГ, устанавливавшей наказание за продажу «кормли».

Такое разделение на пожизненное пользование имуществом с получением всех доходов с него, с одной стороны, и полное право собственности — с другой, соответствует разработанному в римском праве различению понятий «*proprietas*» (то есть «собственность») и «*ususfructus*»⁸. «*Proprietas*» в средневековых актах часто выражается

⁵ См., например: *Алексеев Ю. Г.* Псковская Судная Грамота и ее время. Развитие феодальных отношений на Руси XIV–XV вв. Л., 1980. С. 92–111.

⁶ Некоторые итальянские завещания из собрания Н. П. Лихачева содержат субституцию — подназначение наследника на случай смерти наследника главного, назначенного наследодателем. Так, например, в документе 1348 г. указано, что в случае смерти наследницы, дочери завещателя, все наследство должно перейти к его сыну; если и он не сможет принять завещанное имущество, оно переходит к братьям наследодателя (Западноевропейская секция Научно-исторического архива СПбИИ РАН (далее — ЗЕС). Колл. 4. Картон 133. Ед. хр. 39). Субституция касалась и легатов. В завещании 1371 г. госпожа Изота, оставляя племяннику в качестве легата виноградник в окрестностях Феррары, распоряжается в случае его кончины передать эту землю основным наследникам (ЗЕС. Колл. 4. Картон 134. Ед. хр. 11).

⁷ *Марасинова Л. М.* Новые псковские грамоты XIV–XV веков (далее — НПГ). М., 1966. С. 56–57.

⁸ *Узуфрукт* в римском праве — вещное право пользования чужим имуществом с правом присвоения доходов от него, но с условием сохранения его целостности, ценности и хозяйственного назначения. Здесь — пожизненное право пользования и получения доходов с определенного имущества умершего. (Подробнее об узуфрукте в средневековых итальянских документах см.: *Cohn S.* 1) Renaissance attachment to things: Material culture in last wills and testaments // *Economic History Review*. Vol. 65. Issue 3. 2012. P. 984–1004; 2) *Le ultime volontà: Famiglia,*

в форме «ad proprium» (в собственность) или «iure proprio» (по праву собственности)⁹. Близость понятий «одерень» и «кормля», с одной стороны, к понятиям «proprietas» и «ususfructus» — с другой, прямо в литературе не постулировалась. Однако имплицитную отсылку на такое сходство можно увидеть у Ю. Г. Алексеева, который видел в «кормле» и «одерень» свидетельство развития частной собственности и, соответственно, «феодализации» общественной жизни и сближения русского средневекового права с европейским. При этом Ю. Г. Алексеев отрицал прямое влияние римского права на древнерусское, подчеркивая именно типологическое сходство отдельных положений¹⁰.

Действительно, все рассмотренные выше черты близости в диспозитивной части завещаний между рукописаниями Северо-Запада Руси и итальянскими завещаниями (разделение на движимое и недвижимое имущество, принцип субституции, универсальное и сингулярное наследование, различение пожизненного пользования имуществом и собственности на него) можно, на первый взгляд, объяснить простым типологическим сходством. Оно могло возникнуть вследствие схожего социально-экономического и социально-политического развития, а не было обусловлено генетическим родством, протекающим из влияния римского права на древнерусское (хотя такая возможность и не исключается).

Однако есть как минимум один момент, отражение которого в равной степени в обеих группах документов не может быть объяснено лишь типологическим сходством (см. Таблицу 1). Очевидно, что в источниках представлена одна и та же правовая норма, имеющая в обеих традициях определенную гибкость. После смерти супруга вдове в пользование предоставляется его имущество (все или заранее оговоренная часть) до ее смерти или повторного замужества. Последнее в латинских актах прямо не названо, но скрывается в одном случае за формулой «*si aliam petierit vitam*» («если будет стремиться к другой жизни»). Вероятно, что «другой жизнью», при которой за вдовой сохраняется только ее приданое (*solum dotem*), в средневековых реалиях может быть повторное замужество.

Во втором из приведенных латинских примеров в качестве условия сохранения узуфрукта приводится клаузула «*Tali pacto et condicione, si ipsa habitaverit cum filiis suis et heredibus dicti testatoris, quod redictus dicte domus et peciarum terrarum pervenire debeant in domo ipsorum; et si habitaverit ad suam postam*» (при таком условии и основании, если она сама будет жить со своими детьми и наследниками завещателя, так чтобы доходы от указанного дома и наделов земли оставались в их доме; и если вдова будет жить

---

donne e peste nell'Italia centrale // *Studi storici*. Anno 32. No. 4. 1991. P. 859–875; *Kagan K.* The Nature of Usufructus // *Cambridge Law Journal*. Vol. 9. No. 2. 1946. P. 159–170; *Scalfati S.* Il documento privato medievale nell'area pisana // *Archivio Storico Italiano*. Vol. 165. No. 4. 2007. P. 737–765). Например, узуфрукт в качестве легата сер Падовано из Падуи предоставил своей супруге. Узуфрукт она могла получить, однако, на определенном условии: если останется жить в их доме вместе с их детьми и наследниками (ЗЕС. Колл. 6. Картон 205. Ед. хр. 47. 1362 г. Опубликован полностью: Акты Падуи конца XIII–XIV в. в собрании Академии наук СССР. Л., 1987. Док. № 45. С. 107–110). Узуфрукт предоставлен супругу и в завещании госпожи Виоланте де Сакрато (ЗЕС. Колл. 4. Картон 135. Ед. хр. 6. (Феррара, 1463 г.)).

⁹ *Срединская Н. Б.* Феррара XIV века в отражении актов родового архива Сакрати. М., 2017. С. 48–66.

¹⁰ *Алексеев Ю. Г.* Псковская Судная Грамота... С. 92–111.

на своем месте). Думается, что здесь перед нами то же самое ограничение: жена должна проживать в доме покойного мужа вместе с их детьми, а доход от недвижимого имущества должен оставаться «в доме», то есть в случае повторного замужества имплицитно предполагается, что узуфрукт утрачивается.

Таблица 1. Узуфрукт, предоставляемый вдове до ее смерти или повторного замужества

Латинская традиция	Русская традиция
<p>1. Так, он оставляет госпоже Матильде, своей жене, ее приданое, которое состояло из ста лир. Сверх того в качестве легата из своего добра двадцать лир и всю ее мебель, а именно кровать, ларцы, и все ее ткани шерстяные и льняные, которыми она пользовалась на момент смерти завещателя. Он указывает, хочет и распоряжается, чтобы она была госпожой и получателем узуфрукта от дома и наследства, до тех пор, пока жива, и до тех пор, пока будет проводить свою жизнь в этом доме, пусть не утрачивает ни приданого, ни легата. Если же она начнет другую жизнь, то он хочет, чтобы она владела только приданым (перевод с лат. наш. — <i>А. В., Н. С.</i>)¹¹.</p> <p>2. Так он оставляет сто лир малыми динариями госпоже Патавине, своей жене, для проживания в доме со его детьми, так чтобы она могла пользоваться этими ста лирами по своему усмотрению... При том условии и основании, если она сама будет жить со своими детьми и наследниками указанного завещателя, так чтобы доходы от указанного дома и наделов земли должны были оставаться в их доме; и если она будет жить на своем месте, то она должна владеть доходом и узуфруктом на указанный дом и земли, как ей заблагорассудится, и после ее смерти они должны отойти к наследникам указанного завещателя (перевод с лат. наш. — <i>А. В., Н. С.</i>)¹².</p>	<p>1. А жена моя иже вседет в животе моем, ино осподарына животу моему, или поидеть замуж, ино ей наделка десять рублей, а что принесла, и порты, и круту, и челядь, а то ей и есть¹³.</p> <p>2. А на Низу села в Заостровье варханцев конец меньшим детям с матерью. А поидет замуж ино ей не дати участок ничего, и участка ей в земли нет¹⁴.</p> <p>3. А жене моей Марини с того села ести хлеб до ее живота. А не уседеть жена моя Марина в дому моем, а поиде замуж, ино село в дом святому Ильи¹⁵.</p> <p>4. А даю животное свое получение жене своей Федосье в одерень и с того ей меня поминать, а село свое в Смольнинской губе даю жене своей Федосье до живота и до замужа, а только поидет жена моя замуж или помрет, ино село свое землю даю брату своему Василию до живота¹⁶.</p> <p>5. А жене моей Федосье, добровольно ей сидя у моем животе пити и есть ей с моей отчины до ее живота. А поидет жена моя Феодосья замуж, ино даю ей полты сутком и живота моего в одерень¹⁷.</p>

¹¹ Atti & formule di Rolandino. Consiglio Nazionale del notariato. Arnaldo Forni Editore, 2000. P. 95.

¹² Акты Падуи. Док. № 45. С. 107–110.

¹³ Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.; Л., 1949 (далее — ГВНП). С. 166–168.

¹⁴ ГВНП. № 250. С. 262.

¹⁵ ГВНП. № 256. С. 265–266.

¹⁶ НПП. № 14. С. 56–57.

¹⁷ НПП. № 15. С. 57–58.

Тут уместно обратить внимание на то, что эта норма даже текстуально соответствует некоторым вариантам из русских документов: «А не уседеть жена моя Марина в дому моем, а поиде замуж», «А жена моя иже вседет в животе моем, ино осподарына животу моему, или поидеть замуж, ино ей». То есть условием сохранения кормли признается «сидение» в «животу» или «дому». И это не единственные текстуальные соответствия. В обеих традициях есть указание на то, что жена сохраняет свое приданое даже в случае повторного замужества; упоминается обязательство жить вместе с общими детьми от покойного; вдова называется «domina» (в латинском варианте) и «осподарына», что, учитывая особенности появления и функционирования на Руси понятия «господарь»¹⁸, выглядит как перевод латинского варианта.

Представляется, что буквальное совпадение норм права, а также текстуальное совпадение отдельных клаузул уже не может в данном случае объясняться простым типологическим сходством, речь скорее должна идти о генетическом родстве. Однако, как уже говорилось выше, по меньшей мере в силу различий протокола и эсхатокола такое родство не может быть результатом линейной связи. Несомненно, латинские акты не влияли напрямую на рукописания Северо-Западной Руси. Скорее, можно предположить наличие у них общего источника.

В поисках такового представляется естественным перейти от сравнения актов к рассмотрению юридических памятников, из которых данная правовая норма могла быть почерпнута. Для северо-западных актов это ПСГ, Русская Правда (далее — РП), а также Эклога и другие переводные сборники византийского права, имевшие хождение на Руси с конца XIII в. Для итальянских актов, это, конечно, в первую очередь Кодекс и Дигесты Юстиниана.

Прежде всего стоит рассмотреть вопрос о статье 89 ПСГ, современной анализируемым русским актам¹⁹: «89. А у которой жены муж помрет без рукописания и останется отчина или живот, ино жене ею кормится до своего живота, толко не пойдет замужь, а пойдет замужь, ино ей нет». Очевидно, что перед нами та же самая правовая норма. Строго говоря, в ПСГ приводится ситуация «по умолчанию», то есть когда завещание отсутствует. Вероятно, это не было большой редкостью, и суть нормы, устанавливаемой при отсутствии завещания, та же самая: вдова получает в пожизненную кормлю имущество мужа, включая «отчину», до своей смерти или повторного вступления в брак. Сравнение нормы ПСГ со схожими нормами РП, Эклоги и Кодекса Юстиниана показывает интересные результаты (см. Таблицу 2).

---

¹⁸ Золтан А. К предыстории слова государь в русском языке: Происхождение титула государь московских великих князей XV в. // Золтан А. *Interslavica: Исследования по межславянским языковым и культурным контактам*. М., 2014. С. 46–64.

¹⁹ Вопрос о датировке ПСГ необычайно сложен. Мы склонны принимать самую широкую датировку концом XIV – второй половиной XV в. — при том, что складывание «псковской пошлины», выпиской из которой является известный нам текст ПСГ, могло начаться и до этого. Заметим, что хронологически первое (конец XIV в.) использование рассматриваемой нормы в ГВНП № 110 соответствует нижней возможной датировке ПСГ. В единственном более раннем рукописании, подлинность которого не вызывает сомнений, рассматриваемая норма еще отсутствует: Климент «приказывает» жену свою «игумену Варламу и всей братии», которые названы главными наследниками (ГВНП. № 105. Духовная Климента, конец XIII в. С. 162–163). Эта формула соответствует текстам духовных московских князей XIV–XV вв., но не укладывается в последующую традицию, где, как мы уже видели, жена наделяется наследством.

Таблица 2. Примеры случаев утраты узуфрукта после второго брака вдовы в ПСГ, Кодексе Юстиниана, Эклоге и РП

Источник	Фрагменты текстов
ПСГ (89 статья)	А у которой жены муж помрет без рукописания и останется отчина или живот, ино жене ею кормится до своего живота, толко не пойдет замужь, а пойдет замужь, ино ей нет.
Кодекс Юстиниана (CJ.5.10.1)	Если умирающий муж оставит узуфрукт на свое имущество жене, а она вступит во второй брак, то она утрачивает узуфрукт, который получила от предыдущего мужа, и возвращает его в целости детям в тот день, когда вступает в брак (перевод наш. — А. В., Н. С.).
Эклога II Титул	<p>Если же муж умирает ранее своей жены бездетным, равным образом и жене полностью возвращается причитающееся ей (от него) по договору приданое и соразмерно величине этого приданого одна четвертая часть из оставленных мужем всяких вещей в указанном случае поступает в ее пользу; все же прочее имущество ее мужа причитается соответственно воле умершего его наследникам или при отсутствии завещания — его наследникам по закону.</p> <p>6. Если при наличии детей муж умрет раньше своей жены, то жена, то есть мать его детей, является владелицей всего своего приданого и всего мужнего имущества, и она несет все заботы по управлению делами и, конечно, составляет казенную опись <или инвентарь> всего оставшегося от ее мужа всевозможного имущества и состояния, включая в такую опись и имеющиеся у нее вещи из приданого; если же она имеет [что-либо] сверх приданого, то она обязана доказать убедительными доказательствами, что она это внесла в дом своего мужа и что это появилось после его смерти. И не имеют права ее дети противостоять ей или требовать от нее отцовское имущество; напротив, они должны выказывать ей всяческое повиновение и уважение, согласно божьему предписанию, как матери; понятно, ей надлежит, как это положено родителям, воспитывать детей, женить их, давать им приданое, какое пожелает. Если же случилось бы ей вступить во второй брак, то ее дети имеют право оставить ее и взять на себя все распоряжение отцовским имуществом. Принесенное ею их отцу приданое и только то, что принесено их отцом в качестве увеличения ее приданого в дар [предбрачный дар?], передается ей²⁰.</p>
Русская Правда (Пространная редакция, статьи 88 и 95)	<p>88. Аже жена сядеть по мужи, то на ню часть дати; а что на ню муж възложить, тому же есть госпожа, а задница ей мужня не надобе. Будуть ли дети, то что первое жены, то то возмуть дети матери своея; любо си на женоу будеть възложил, обаче матери своеи возмуть.</p> <p>95. Аже жена ворчеться седети по мужи, а ростеряеть добыток и поидеть за мужь, то платити ей все детемь. Не хотети ли начнуть дети ей ни на дворе, а она начнет всяко хотети и седети, то творити всяко волю, а детемь не дати воли; но что ей даль мужь, с тем же ей седети, или, свою часть вземше, седети же.</p>

²⁰ Эклога. Византийский законодательный свод VIII века. М., 1965. С. 46.

О том, повлияла ли Эклога на Пространную Правду, и если да, то в какой степени, в историографии написано немало²¹. Из приведенной таблицы сравнения очевидно, что тексты и Эклоги, и РП далеки от текста ПСГ. Нормы Эклоги и РП выглядят, с одной стороны, гораздо более разработанными и подробными. Например, есть специальное правило для ситуации, когда умирает муж женщины, имеющей детей, и без таковых. Далее ни Эклога, ни РП не знают ничего подобного узуфрукту/кормлению. В Эклоге речь идет о владении, а в РП вообще отсутствуют эксплицитные указания на классификацию вещных прав. Кроме того, клаузула, связанная с повторным выходом жены замуж, не является центральной ни в Эклоге, ни в РП, они в большей степени рассматривают имущественные отношения между матерью и детьми. Наконец, в Эклоге чувствуется влияние христианства, выраженное в некотором моральном императиве: дети должны оказывать ей «повиновение и уважение, согласно божьему предписанию, как матери». Наконец, тексты и Эклоги, и РП значительно пространнее текста ПСГ. Следует констатировать, что текст последней не может быть возведен ни к Эклоге, ни к РП.

Сличение текста Кодекса Юстиниана с текстом ПСГ, напротив, обнаруживает близкое смысловое, если не текстуальное сходство. В первом имеется всего лишь одна клаузула, отсутствующая во втором. Речь идет об обязательстве жены возвратить узуфрукт детям покойного мужа при повторном замужестве. При этом указания на то, что по смерти жены кормля достается детям, присутствует в ряде северо-западных актов. Учитывая то, что статья 89 ПСГ относится к ситуации, когда рукописание отсутствует, а согласно статье 15 ПСГ дети (как и другое «ближнее племя»), к которому жена не принадлежала) могли претендовать на наследство и без рукописания, то неудивительно, что в статье 89 ПСГ нет указания на передачу кормли детям при повторном замужестве: это и так следовало из совокупности правовых норм.

Отсутствие в Кодексе Юстиниана указания на смерть жены («кормится до своего живота») как на одно из условий прекращения узуфрукта вполне понятно. Так как узуфрукт по природе своей форма пожизненного (в некоторых случаях предоставляемого на определенный срок) пользования, то и упоминание смерти здесь необязательно. Таким образом, исключая два вышеописанных отличия, норма ПСГ буквально совпадает с нормой Кодекса. Такое совпадение, учитывая равноудаленность обеих от Эклоги и РП, приводит нас к однозначному выводу: статья 89 ПСГ восходит к Кодексу Юстиниана, а не к Эклоге или РП.

Однако возведение нормы ПСГ непосредственно к Кодексу в обход Эклоги и РП требует пояснения. Ведь крайне сложно предположить, что составитель ПСГ (или, вернее, ее протографа) имел в своем распоряжении список Кодекса. Вероятнее всего, существовал как минимум один текст-посредник, восходящий к Кодексу и известный составителю ПСГ. Такой текст до нас не дошел, поэтому мы можем лишь предположительно восстановить его происхождение. Здесь, на наш взгляд, выстраиваются две гипотезы.

Первая — о существовании некоего византийского по происхождению сборника, отразившего нормы Кодекса, то есть законодательства до реформы Льва III Исавра.

---

²¹ См. подробнее: *Милов Л. В.* 1) Византийская Эклога и Пространная Правда... С. 113–119; 2) О древнерусском переводе... С. 142–163; 3) Древнерусский перевод Эклоги... С. 56–65; *Живов В. М.* История русского права... С. 187–305.

Возможно, он включал юстиниановские нормы права и образцы актов и повлиял на законодательство и правовую практику Северо-Запада Руси. Однако против этой гипотезы есть несколько существенных возражений.

Во-первых, непонятно, почему такой византийский сборник повлиял лишь на Северо-Западные акты и ПСГ. Его следы отсутствуют в ином древнерусском материале. Отметим, что речь идет не только об отсутствии нормы об узуфрукте вдовы, но и прочих черт, сближающих северо-западные рукописания и завещания по римскому праву, указанные выше — разделение на движимое и недвижимое имущество, принцип субституции, универсальное и сингулярное наследование, различие пожизненного пользования имуществом и права собственности на него.

Во-вторых, эта гипотеза противоречит весьма убедительно обоснованной концепции В. М. Живова об особенностях рецепции византийской культуры на Руси. Согласно мнению ученого, на Русь «экспортировалась» только та часть византийской культуры, которая подверглась серьезной христианской обработке. Все, что было связано с античным, дохристианским прошлым, Руси практически не достигало. Кодекс Юстиниана, хоть и был создан уже в христианское время, отражал сложившееся право предшествующей эпохи. Христианский извод римского права в Византии связан с созданием Эклоги. Бытование на Руси правового сборника, основанного на Кодексе, а не на Эклоге, таким образом, предполагает существование некоего иного канала рецепции византийской культуры.

Вторая гипотеза состоит в том, что источник ПСГ и северо-западных актов был латиноязычным или переведенным с латыни, а в его основе лежали труды ранних глоссаторов, отразивших предыдущий этап рецепции римского права и рассматриваемых итальянских актов. В рамках этой гипотезы объясняется, почему именно северо-западная правовая традиция испытала влияние римского права в латинском, а не византийском изводе: Новгородская и Псковская земли были контактной зоной с Латинским миром. Торговые и дипломатические контакты могли привести к переводу каких-то ранних, не дошедших до нас сборников римского права.

Другим каналом проникновения гипотетического сборника римского права на Северо-Запад могли выступать торговые связи с городами Ливонии, как предположил В. Ф. Андреев²². Наконец, сам факт заимствования чего-либо непосредственно из латинской традиции вряд ли должен вызывать удивление, учитывая, что в конце XV столетия первый полный перевод Священного Писания на церковнославянский язык — Геннадьевская Библия — выполнен с привлечением Вульгаты, а одним из переводчиков был доминиканский монах Вениамин, хорват по происхождению. В свете этого использование латинского сборника римского права в юридических памятниках и актах не представляется чем-то уж совсем невероятным.

Вне зависимости от того, какой из путей заимствования римского права следует признать более вероятным, текстологическим фактом можно считать то, что статья 89 ПСГ восходит к тексту, чрезвычайно близкому к Кодексу Юстиниана, а целый ряд норм, реалий и институтов, которые мы обнаруживаем в рукописаниях Северо-Запада Руси, восходит к соответствующим реалиям римского права²³. Более того, можно приблизи-

---

²² Андреев В. Ф. Новгородский частный акт XII–XV вв. С. 135.

²³ Разумеется, трудно сказать, были ли заимствованы сами институты вместе с правовыми нормами или же только сами нормы для описания типологически близких институтов, сложившихся на Северо-Западе Руси.

тельно установить период, в который такое заимствование произошло. Древнейший акт, отразивший вышеописанные нормы римского права, условно датируется 1393 г.²⁴ Все остальные рукописания, содержащие указанные нормы, относятся к XV в., а единственное более раннее завещание, в подлинности которого нет сомнений (ГВНП. № 105), принадлежит к совершенно иной правовой традиции.

Таким образом, вероятнее всего, рецепция римского права северо-западной правовой традицией произошла в XIV в. (скорее, во второй его половине). Это совпадает с нижней возможной датировкой ПСГ и одновременно с периодом количественного роста письменных частных актов Северо-Запада²⁵. Можно говорить, что рецепция римского права вдохнула жизнь в частный акт Северо-Западной Руси.

Информация о статье

Исследование осуществлено при финансовой поддержке Министерства образования и науки РФ в форме субсидии как часть проекта № 075-15-2020-786 «История письма европейской цивилизации».

Авторы: Вовин, Алексей Александрович — кандидат исторических наук, Санкт-Петербургский институт истории РАН, Санкт-Петербург, Россия, Orc ID 0000-0001-5089-9999, Scopus ID 57194760826, SPIN-код 3091-7676; e-mail: avovin@gmail.com;

Срединская, Наталия Брониславовна — кандидат исторических наук, Санкт-Петербургский институт истории РАН, Санкт-Петербург, Россия, Orc ID 0000-0002-9785-2589, Research ID U-3450-2018, SPIN-код 7760-7773; e-mail: sredinska@yandex.ru

Заголовок: Рецепция римского права в Северо-Западной Руси XIV–XV вв.: Вдова и имущество покойного мужа

Резюме: В статье рассматривается вопрос о влиянии латинской правовой традиции на русский частный акт и юридические памятники, в частности одна правовая коллизия — передача вдове в пожизненное пользование имущества мужа при условии того, что она не выйдет замуж повторно, одинаково отраженная в актах Северо-Запада Руси и документах североитальянских городов-коммун. В поисках источников этой юридической нормы сравниваются статьи Псковской Судной грамоты, Кодекса Юстиниана, византийской Эклоги и Пространной Правды. Выясняется, что тексты Псковской Судной грамоты и Кодекса Юстиниана крайне близки между собой как в смысловом, так и в текстуальном отношении и при этом значительно отличаются от текстов Эклоги и Пространной Правды, которые в свою очередь близки. Таким образом, получается, что правовая норма Северо-Запада Руси, отраженная в актовом материале и Псковской Судной грамоте, восходит к Кодексу Юстиниана — непосредственно, минуя византийскую правовую традицию. Это в известной степени переворачивает традиционные историографические представления о том, что влияние римского права на древнерусское было незначительным и к тому же прошедшим через византийский «фильтр».

Ключевые слова: Русский частный акт, Псковская Судная Грамота, Кодекс Юстиниана, рецепция римского права, наследственное право, Византия

Литература, использованная в статье:

Алексеев, Юрий Георгиевич. Псковская Судная Грамота и ее время. Развитие феодальных отношений на Руси XIV–XV вв. Ленинград: Наука, 1980. 243 с.

Андреев, Василий Федорович. Новгородский частный акт XII–XV вв. Москва: Наука, 1986. 143 с.

Вершинин, Константин Владимирович. Мерило Праведное в истории древнерусской книжности и права. Москва; Санкт-Петербург: Нестор-История, 2019. 295 с.

Живов, Виктор Маркович. История русского права как лингвосомиотическая проблема // Разыскания в области истории и предистории русской культуры. Москва: Языки славянской культуры, 2002. С. 187–305.

Золтан, Андраш. Interslavica. Исследования по межславянским языковым и культурным контактам. Москва: Индрик, 2014. 224 с.

---

²⁴ Дошедший не в подлиннике ГВНП № 110 не содержит внутренней датировки, дату «лето 6901» содержит заглавие списка XVII века, в котором дошел акт (ГВНП. № 110. С. 166).

²⁵ *Валк С. Н.* Начальная история древнерусского акта... С. 285–318.

- Каиштанов, Сергей Михайлович. Из истории русского средневекового источника: Акты X–XVI вв. Москва: Наука, 1996. 265 с.
- Марасинова, Людмила Михайловна. Новые псковские грамоты XIV–XV веков. Москва: Издательство Московского университета, 1966. 211 с.
- Милов, Леонид Васильевич. Византийская Эклога и Пространная Правда. (Проблемы рецепции) // IUS ANTIQUUM. Древнее право. 1998. Вып. 1 (3). С. 113–119.
- Милов, Леонид Васильевич. Древнерусский перевод Эклоги в кодификационной обработке конца XIII в. // Вестник МГУ. Сер. 8. История. 1984. № 3. С. 56–65.
- Милов, Леонид Васильевич. О древнерусском переводе византийского кодекса законов VIII века (Эклоги) // История СССР. 1976. № 1. С. 142–163.
- Переверзев, Александр Сергеевич. Византийское право как источник Псковской Судной грамоты // Юридическая наука. № 3. 2015. С. 24–27.
- Переверзев, Александр Сергеевич. Наследственное право по Псковской судной грамоте // Вестник социально-педагогического института. 2013. № 1 (6). С. 41–45.
- Срединская, Наталья Брониславовна. Феррара XIV века в отражении актов родового архива Сакрати. Москва: Индрик, 2017. 246 с.
- Cohn, Samuel. Renaissance attachment to things: Material culture in last wills and testaments // Economic History Review. Vol. 65. Issue 3. 2012. P. 984–1004.
- Cohn, Samuel. Le ultime volontà: Famiglia, donne e peste nell'Italia centrale // Studi storici. Anno 32. No. 4. 1991. P. 859–875.
- Kagan, Kopel. The Nature of Usufructus // Cambridge Law Journal. Vol. 9. No. 2. 1946. P. 159–170.
- Scalfati, Sirio. Il documento privato medievale nell'area pisana // Archivio Storico Italiano. Vol. 165. No. 4. 2007. P. 737–765.

Information about the article

The research was carried out with the financial support of a grant from the Ministry of Education and Science of the Russian Federation in the form of subsidies as part of Project No. 075-15-2020-786 «History of Writing in European Civilization».

Authors: Vovin, Aleksey Aleksandrovich — PhD in History, St. Petersburg Institute of History, Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia, Orc ID 0000-0001-5089-9999, Scopus ID 57194760826, SPIN-code 3091-7676; e-mail: avovin@gmail.com;

Sreinskaya, Nataliya Bronislavovna — PhD in History, St. Petersburg Institute of History, Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia, Orc ID 0000-0002-9785-2589, Research ID U-3450-2018, SPIN-code 7760-7773; e-mail: sredinska@yandex.ru

Title: Reception of Roman law in North-Western Russia in 14th–15th centuries: widow and late husband property

Summary: The article is about the influence of the Roman law on the Russian private act and statutes. The focus is on one legal collision regarding a widow life-long use of her late husband's property (since she does not remarry). That case was equally reflected in the documents of the North-West of Russia as well as in those ones of the North-Italian commune cities. In search of the sources of this legal norm, the articles of the Pskov Judicial Charter (PJC), the Code of Justinian (CJ), the Byzantine Ecloga (E) and the Extensive Edition of Russkaya Pravda (RP) are compared. It turns out that the texts of PJC and CJ are extremely close to each other both in semantic and textual terms, and at the same time they differ significantly from the texts of E and RP, which, in turn, are close. Thus, it turns out that the legal norm of the North-West of Russia, reflected both in the private acts and in the PJC, goes back to the CJ directly, bypassing the Byzantine legal tradition. To a certain extent, this reverses the traditional historiographic ideas that the influence of Roman law on Old Russian law was insignificant and, moreover, passed through the Byzantine «filter».

Keywords: Pskov Judicial Charter, Medieval Novgorod, Medieval Pskov, Roman Law Reception, Code of Justinian

References:

- Alekseev, Yuriy Georgievich. *Pskovskaya Sudnaya Gramota i ee vremya. Razvitie feodal'nykh otnosheniy na Rusi XIV–XV vv.* [Pskov court charter and its time: Development of feudal relations in Russia in the 14th–15th centuries]. Leningrad: Nauka Publ., 1980. 243 p. (in Russian).
- Andreev, Vasily Fedorovich. *Novgorodskiy chastniy akt XII–XV vv.* [Novgorod private act of the 12th–15th centuries]. Moscow: Nauka Publ., 1986. 143 p. (in Russian).

- Cohn, Samuel. Renaissance attachment to things: Material culture in last wills and testaments, in *Economic history review*. Vol. 65. Issue 3. 2012. Pp. 984–1004.
- Cohn, Samuel. Le ultime volontà: Famiglia, donne e peste nell'Italia centrale [Last wills: Family, women, and the Black Death in Central Italy], in *Studi storici*. Anno 32. No. 4. 1991. Pp. 859–875. (in Italian).
- Kagan, Kopel. The Nature of Usufructus, in *Cambridge law journal*. Vol. 9. No. 2. 1946. Pp. 159–170.
- Kashtanov, Sergey Mikhaylovich. *Iz istorii russkogo srednevekovogo istochnika: Akty X–XVI vv.* [History of Russian Medieval Source: Acts of the 10th–16th centuries]. Moscow: Nauka Publ., 1996. 265 p. (in Russian).
- Marasimova, Lyudmila Mikhaylovna. *Novye pskovskie gramoty XIV–XV vekov.* [New Pskov charters of the 14th–15th centuries]. Moscow: Moscow University Press, 1966. 211 p. (in Russian).
- Milov, Leonid Vasilyevich. Drevnerusskiy perevod Eklogi v kodifikatsionnoy obrabotke kontsa XIII v. [The Old Russian translation of the Ecloga in the Codification processing of the end of the 13th century], in *Vestnik of Moscow State University*. Ser. 8. History. 1984. No. 3. Pp. 56–65. (in Russian).
- Milov, Leonid Vasilyevich. O drevnerusskom perevode vizantiyskogo kodeksa zakonov VIII veka (Eklogi) [The Old Russian translation of the Byzantine Code of Laws of the 8th century (Ecloga)], in *History of USSR*. 1976. No. 1. Pp. 142–163. (in Russian).
- Milov, Leonid Vasilyevich. Vizantiyskaya Ekloga i Prostrannaya Pravda. (Problemy retseptsii) [Bizantine Ecloga and Extended Edition of Russkaya Pravda. (Problems of reception)], in *IUS ANTIQUUM. Drevnee pravo*. 1998. Issue 1 (3). Pp. 113–119. (in Russian).
- Pereverzev, Aleksandr Sergeevich. Nasledstvennoe pravo po Pskovskoy sudnoy gramote [The Law of Succession according to the Pskov Judgment Diploma], in *Vestnik of Social-Pedagogical University*. 2013. No. 1 (6). Pp. 41–45. (in Russian).
- Pereverzev, Aleksandr Sergeevich. Vizantiyskoe pravo kak istochnik Pskovskoy Sudnoy gramoty [Byzantine Law as a source of the Pskov judicial charter], in *Yuridicheskaya nauka*. No. 3. 2015. Pp. 24–27. (in Russian).
- Scalfati, Sirio. Il documento privato medievale nell'area pisana [The medieval private document in the area of Pisa], in *Archivio Storico Italiano*. Vol. 165. No. 4. 2007. Pp. 737–765. (in Italian).
- Sredinskaya, Nataliya Bronislavovna. *Ferrara XIV veka v otrazhenii aktov rodovogo arkhiva Sakrati* [Ferrara of the 14th century in the reflection of the acts of the Sacrati Family Archive]. Moscow: Indrik Publ., 2017. 246 p. (in Russian).
- Vershinin, Konstantin Vladimirovich. *Merilo Pravednoe v istorii drevnerusskoy knizhnosti i prava* [The Godly Measure in the history of literature and law of Old Rus']. Moscow; St. Petersburg: Nestor-Istoriya Publ., 2019. 295 p. (in Russian).
- Zhivov, Viktor Markovich. Istoriya russkogo prava kak lingvosemioticheskaya problema [The History of Russian law as a linguosemiotic problem], in *Razyskaniya v oblasti istorii i predystorii russkoy kul'tury*. Moscow: Languages of Slavic culture Publ., 2002. Pp. 187–305. (in Russian).
- Zoltan, Andras. *Interslavica: Studies on inter-Slavic linguistic and cultural contacts*. Moscow: Indrik Publ., 2014. 224 p. (in Russian).